

Свердлов Г.

Приложение к «Кавказскому делу»

14 МАР 1976

Сегодня гость нашей 13-й страницы — композитор Георгий Васильевич Свиридов, народный артист СССР, Герой

Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии и Государственных премий СССР. Он работает в различных музыкальных жанрах, но наиболее ярко

через его творчество проходит линия вокальной музыки. У нас в стране и за рубежом широко известны его вокальные циклы.

ГОСТЬ 13-й СТРАНИЦЫ

85-й ВЫПУСК

— Георгий Васильевич, недавно праздновалось ваше 60-летие. Что связанное с юбилейными днями наиболее запомнилось?

— Пожалуй, то, что стало для меня в какой-то мере неожиданным и в то же время очень трогательным. Ученики детской музыкальной школы из Усть-Каменогорска прислали письмо и альбом с рисунками. Оказывается, у них был объявлен конкурс на лучшее исполнение моих детских фортепьянных пьес и на лучший рисунок к этим пьесам. Конкурс проходил в день моего рождения, и его результаты — лучшие рисунки мне и прислали. Как богата детская фантазия! Очень приятно, очень хороший подарок...

Музыкально-педагогический факультет Свердловского пединститута провел конференцию студенческого научного общества, посвященную 80-летию Сергея Есенина и моему 60-летию. Исполнялись мои произведения на слова Есенина. Институт имени Гнесиных дал два концерта из моей музыки: один камерный, другой симфонический. Играл превосходный оркестр, руководимый Олегом Огарковым, выступал хор дирижерско-хорового факультета — очень свежие голоса.

Я выделил эти три подарка, потому что для человека, сочиняющего музыку, нет события более радостного, чем то, что его произведения играют сегодня молодые. Сознание того, что твоя музыка живет среди новых поколений, очень дорого для сочинителя.

— Кого из исполнителей своих произведений вы считаете наиболее интересными?

— Знаете, бывает, что музыка не сразу находит себе исполнителя. Он появляется позже, а значит, и жить эта музыка начинает позже. Сочинительство музыки всегда идет немножко впереди исполнительского искусства.

У меня тоже были трудности с исполнителями. Много написанной музыки лежало десятилетиями, а петь ее — я буду говорить в основном о вокальных произведениях, мне это ближе, — было некому. Традиционный манера исполнения для моей музыки не подходила, это было не то, чего я хотел.

Еще до войны был в Ленинградской консерватории певец Фрэнк Флак, который чутко реагировал на новую вокальную музыку, он пел мои работы хорошо. А потом начались сложности. Несколько лет назад мне посчастливилось найти прекрасного исполнителя в лице Александра Ведерникова. Поначалу он тоже сопротивлялся моей музыке, но мы много работали, и не только над теми или иными произведениями: мы много говорили о музыке, об искусстве вообще, о современности.

В последнее время пришли ко мне более молодые певцы: Елена Образцова, Евгений Нестеренко, Алексей Масленников. Постоянно работаю с изумительной хоровой капеллой имени Александра Александровича Юрлова, недавно умершего. Это был мой большой друг, талантливый и большого размаха человек. Считаю, что Юрлов был самым крупным хоровым деятелем России всех времен.

— В чем, на ваш взгляд, трудности исполнения новой вокальной музыки?

— Говоря о новой музыке, я

не имею в виду новизну саму по себе. Речь идет о воплощении насущно необходимого на данный момент, нового состояния, свежего чувства. Творческая индивидуальность певца формируется на определенной музыке, чаще классической, уже установившейся. На высоких образцах исполнители растут, к высокому они привыкают. И петь новую музыку им не так просто.

Новизна вокальной музыки, кроме того, о чем я уже сказал, связана с новизной речи. А речь меняется постоянно. Меняется и словарный запас. Возьмем, к примеру, старых актеров, которые некогда потрясли сердца; сегодня такого сильного впечатления они на нас уже не производят. Речь их кажется то манерной, то жеманной, то чересчур простоватой... Новые особенности речи мешают певцам быстро осваивать новую вокальную музыку.

Работая с исполнителями, я стараюсь добиться, чтобы каждая фраза, которую артист поет, была так же естественна, словно он ее говорит; но вместе с тем, чтобы это было пение, как говорил Мусоргский, «мелодия, творимая человеческим говором». Может, это покажется не столь трудной задачей; на самом же деле это очень трудно. Мне приходилось работать с чудесными исполнителями классики, которые так и не сумели прийти к новой музыке.

— А как воспринимает новую музыку аудитория?

— Взаимоотношения сочинителя со слушателями — тоже

сложная проблема. Аудиторию надо расшевелить, овладеть ею, привлечь ее к своей музыке. Сделать так, чтобы люди ходили на твои концерты, трудно; иногда музыканту и жизни мало для этого. Бывают и удачные случаи. У меня с аудиторией особенных расхождений нет.

— Ваши произведения много раз исполнялись за рубежом. Как проходили гастроли?

— Русская хоровая музыка принимается за рубежом великолепно, хотя и возникают трудности при переводе текстов. Я несколько раз ездил с концертами во Францию; там русское пение знают и любят. В 1969 году во время фестиваля русской и советской хоровой музыки в Париже пресса писала: «Русское хоровое искусство — это открытие».

Я очень волновался, когда мы везли в Лондон мою «Патетическую ораторию» на слова Маяковского. Произведение очень революционного характера и очень национальное. Но успех превзошел все ожидания. Все 3.000 мест были заняты, принимали нас прекрасно. Правда, у каждого слушателя была большая программа с текстом, и он следил по ходу действия за каждым словом. Еще пример: поэму памяти Есенина возили в Японию, и там был успех. И сейчас японцы просят опять привезти ее на гастроли. В социалистических странах даже есть

самостоятельные постановки моих вещей.

— Как вы расцениваете советскую вокальную школу данного периода?

— Мы сейчас живем в период большого расцвета советской вокальной школы. Появилась плеяда блестящих певцов. Причем они не просто повторяют старую русскую школу — школу Шаляпина, Неждановой, Козловского, Лемешева... Нынешние новые певцы — очень талантливые артисты, созревшие для выполнения новых художественных задач, которые поставило и ставит время.

— Бытует мнение, что так называемая серьезная музыка доступна лишь знатокам. Справедливо это, как вы полагаете?

— По-моему, нет. Прекрасная, возвышенная музыка, в сущности, всегда доступна. Что может быть более глубокое, изощренное с точки зрения письма и тонкой работы, чем, скажем, «Реквием» Моцарта? Однако, когда его исполняют зал всегда полон. Мысли и чувства Моцарта, связанные с его просами бытия, делают его «Реквием» общедоступным. В общем, дело в глубине чувств и мыслей, заложенных в произведении, в их общей необходимости.

— Как, на ваш взгляд, развивается теперь в нашей стране вокальная музыка?

— У русских пение занимает особое место. Исторически сложилось так, что наша музыка — прежде всего вокальная. Конеч

но, мы свою музыку не мыслим в отрыве от мирового музыкального процесса. Но, я думаю, дело нашей музыки не подчине этому процессу, а внесение в него своего голоса. Ибо процесс этот интересен, лишь когда интересны все составляющие его элементы.

В наше время в области вокальной музыки работают серьезные, талантливые сочинители. В первую очередь я назвал бы свежего, оригинального композитора Бориса Чайковского, его вокальный цикл «Лирика Пушкина»; ленинградца Валерия Гаврилина, который получил Государственную премию имени Глинки за цикл «Русская тетрадь»; это произведение живет самостоятельной жизнью, вне зависимости от его автора, что является первым признаком выдающегося сочинения. Большими победами советской вокальной музыки считаю цикл Алексея Николаева на слова Марины Цветаевой, романсы и песни Романа Леденева на слова Некрасова. Я назвал четыре сочинения; разные по содержанию и манере исполнения, они говорят о богатстве нашей современной вокальной музыки.

Много работает в этом жанре и Владимир Рубин, интересно экспериментируя в области музыкально-драматического синтеза, пытаясь найти новую форму музыкального театра. И в этом смысле примечательно его произведение «Июльское воскресенье» — не опера, не оратория, а совершенно новая крупная синтетическая форма.

— Как вы, Георгий Васильевич, отбираете поэтические тексты для своих произведений?

— Контакт музыки с поэтическим словом происходит не сразу. Обычно это процесс несколько запаздывающий. Поэтов открывают последующие поколения музыкантов. Для меня стихотворение и содержащий в нем поэтический образ часто служат побудительной причиной для возникновения музыки. Иногда я ношу в себе слова десятилетиями, потом они вдруг вспоминаются по ассоциации с чем-то — и рождается мелодия.

Я вообще люблю поэтическое слово. В русской поэзии люблю Пушкина, Лермонтова, Некрасова, без них не мыслю нашу музыку. Как не мыслю ее без Есенина, Блока, Маяковского. Думаю, нашей музыкой обязательно будет раскрыт такой великий поэт, как Александр Твардовский. Я мечтаю о серьезной работе с его поэзией и отдельные попытки уже делал. Привлекает меня трагическая и возвышенная поэзия Кайсына Кулиева, мощная уза Гамзатова... Это уже из области планов на будущее.

— Кто из композиторов оказал на вас наиболее сильное влияние?

— Я учился в Ленинградской консерватории у Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. Он оказал на меня сильное влияние. Огромна сила и убедительность его художественных образов! Дмитрий Дмитриевич Шостакович прививал своим ученикам увлечение классической музыкой, которую сам любил и высоко ценил.

Гостя расспрашивала Марина КАВИЦКАЯ.

ГЕОРГИЙ СВИРИДОВ

